

Н. А. Хохлова

ОБЗОР АРХИВА ПОСТОЯННОЙ КОМИССИИ ДЛЯ ПОСОБИЯ НУЖДАЮЩИМСЯ УЧЕНЫМ, ЛИТЕРАТОРАМ И ПУБЛИЦИСТАМ

В истории русской благотворительности в области литературы и науки, несомненно, первое место принадлежит Литфонду. Деятельность его была столь широка и многогранна, что аналогичные организации, работавшие наряду с ним, неизбежно оставались в тени; история многих из них канула в лету.¹ А между тем они существовали, и роль крупнейшей из них по праву должна принадлежать Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, архив которой хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (фонд 540).

С. С. Ольденбург в своих записках «Царствование императора Николая II», касаясь хроники событий 1895—1896 гг., в частности, писал: «Первые месяцы 1896 г. были заполнены подготовкой коронационных торжеств в Москве и „смотра русского хозяйства“ — Нижегородской выставки. В остальных отношениях продолжалась очередная работа. Винная монополия, введенная в 1895 г. в четырех губерниях, была распространена еще на двенадцать. Был создан государственный фонд, из которого на оказание помощи нуждающимся литераторам отпускалось по 50 тыс. руб. в год. В печати и в Императорском Вольно-Экономическом обществе начиналось обсуждение денежной реформы».²

Мы вряд ли ошибемся, если выскажем предположение, что из всех перечисленных событий организация «государственного фонда для оказания помощи нуждающимся литераторам» (т. е. Постоянной комиссии) была и остается наименее известным. Создание подобного фонда в начале царствования — акт, не лишенный известного подтекста. Его цель — продемонстрировать лояльность нового императора по отношению к прессе, «литераторам», то есть заявить о своих либеральных устремлениях.

Постоянная комиссия для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам была учреждена высочайшим указом от 13 января 1895 г., который, в частности, гласил: «...при Императорской Академии наук учреждается Постоянная комиссия для приема и рассмотрения ходатайств нуждающихся ученых, литераторов и публицистов, равно их вдов и сирот о производстве им денежных пособий и пенсий <...> из суммы, ежегодно ассигнуемой на основании того же указа из средств Государственного Казначейства в размере 50.000 рублей».³

Постоянной комиссии был присвоен статус академического учреждения; возглавил ее президент Академии наук, вел. кн. Константин Константинович. Уже 15 января 1895 г. из Правления Академии наук ему была направлена докладная записка «с проектом создания особой комиссии для выработки правил и положений ее (Постоянной комиссии. — Н. Х.) работы».⁴ В состав комиссии вошли представители Министерства народного просвещения (профессор И. В. Помяловский и ординарный академик В. В. Латышев), Министерства финансов (П. М. Романов и гр. А. А. Голенищев-Кутузов), Академии наук (вице-президент Л. Н. Майков и непременный секретарь Н. Ф. Дубровин).

Комиссия работала в течение трех с половиной месяцев. Составленные ею «Временное положение о состоящей при Императорской Академии наук Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам» и «Временные правила для руководства Постоянной комиссии...» были утверждены президентом Академии наук 30 апреля 1895 г.⁵

Комиссия провела большую работу по изучению положения «тружеников печати» в России, о чем свидетельствуют следующие документы, отложившиеся в фонде: «Перечень периодических изданий в России в 1894 г.», «Записка о материальном положении провинциальных журналистов» и др.⁶ Она активно использовала опыт аналогичных организаций и прежде всего Литфонда. Необходимо, однако, иметь в виду существенную разницу в принципах учреждения двух этих организаций — принципах, которые определили форму их деятельности.

В отличие от Постоянной комиссии Литфонд был общественной организацией. Он возник в 1859 г. по инициативе группы писателей, объединившихся вокруг «Современника», и прежде всего А. В. Дружинина.⁷ Если в бюджет Постоянной комиссии ежегодно отчислялось 50 000 рублей, и, собственно, задачей ее было лишь правильное в соответствии с выработанными документами распределение этих средств, то положение Литфонда было совсем иным. Как общественная организация он должен был сам изыскивать средства и формировать свой капитал. Первоначально Литфонд существовал на членские взносы и различного рода пожертвования. Но вскоре его деятельность превратилась в широкое, так сказать, общественно-культурное предприятие, которое включало: благотворительные концерты, спектакли, чтения, выставки, юбилейные торжества, различные вечера, доход от которых шел в пользу Литфон-

да. Существенную прибыль приносила и издательская деятельность. Литфонду принадлежали (были подарены или завещаны) права на издание сочинений многих выдающихся авторов, например, Н. Я. Надсона и В. М. Гаршина. «Таким образом, — утверждал историк Литфонда А. А. Корнилов, — если бы развитие дела Литературного фонда зависело от членских взносов, то оно оказалось бы к концу пятидесятилетия в весьма безотрадном состоянии. К счастью, другие источники доходов <...> оказались гораздо надежнее».⁸ Итак, постепенно Литфонд стал едва ли не общероссийским культурным делом — отсюда его известность, широта и многообразие деятельности, удивительная долговечность.

Связь Постоянной комиссии с Литфондом не прерывалась во все время ее существования. Более того, следует говорить о непрерывной координации деятельности двух организаций. Так, среди первых документов Постоянной комиссии значится докладная записка Г. Градовского президенту Академии наук о пенсионном фонде Кассы взаимопомощи при Литфонде и согласовании финансовой деятельности Кассы и Постоянной комиссии; письма бывшего председателя Литфонда В. И. Сергеевича о координации деятельности и ответное письмо Л. Н. Майкова, а также аналогичные письма В. А. Манассеина, Н. И. Кареева и Е. Э. Картавцева (председателя, секретаря и казначея Литфонда) с приложением списков лиц, получающих из него пособия и пенсии.⁹

Перечисленные документы относятся ко времени учреждения Постоянной комиссии — к 1895—1896 гг. В 1897 г. между ней и Литфондом было принято официальное соглашение «об обмене списками лиц, получающих продолжительные воспоблиения от того и другого учреждения».¹⁰ Кроме того, обе организации регулярно помогали друг другу в наведении различного рода справок.

Задачи Постоянной комиссии, принципы формирования штата, порядок работы и, главное, условия, дававшие право на получение пенсии или пособия, были прописаны во «Временном положении». Приведем несколько довольно обширных выдержек из него, касающихся этих вопросов.

«При Императорской Академии наук учреждается Постоянная комиссия для приема и рассмотрения ходатайств нуждающихся ученых, литераторов и публицистов, а равно их вдов и сирот о производстве им денежных пособий и пенсий и для выдачи таковых как из суммы, ежегодно ассигнуемой <...> из средств Государственного Казначейства в размере пятидесяти тысяч рублей, так и из частных пожертвований, которые могут поступать в Императорскую Академию наук с тою же целью.

В состав Комиссии входят: вице-президент и непрременный секретарь Императорской Академии наук, два из ее действительных членов, избранные Общим Собранием Академии сроком на два года, и два лица, приглашенные к участию в Комиссии Президентом Академии из числа известных русских писателей сроком на один год».¹¹

«Вице-президент Академии исполняет обязанности председателя Комиссии и докладывает по ее делам Президенту Академии. Непременный секретарь Академии состоит товарищем председателя

Комиссии и вступает в его права в случае его отсутствия <...>. Совещания Комиссии происходят, по приглашению Председателя, не реже одного раза в две недели <...> и <...> считаются состоявшимися, если <...> присутствует не менее трех ее членов <...>.

По окончании каждого совещания Комиссии составляется протокол, который подписывается всеми присутствовавшими на том совещании членами и представляется Председателем на утверждение Президента Академии. Утвержденные Президентом постановления Комиссии немедленно приводятся в исполнение. Протоколы совещаний Комиссии ведутся под наблюдением Председателя письмоводителем Комиссии, который присутствует при ее совещаниях, но без права голоса. В заведовании письмоводителя находится архив Комиссии.

Комиссия представляет Президенту Академии в конце гражданского года отчет, который прилагается к ежегодному отчету Императорской Академии наук.

Во «Временных правилах для руководства» было записано: «Воспособления, выдаваемые <...> Постоянной Комиссией <...> могут быть двух родов: а) в виде пенсий пожизненных или назначаемых до известного срока, и б) в виде временных пособий.

Из пятидесяти тысяч, ежегодно ассигнуемых <...>, на пенсии предназначается <...> около $\frac{3}{5}$ всей суммы <...>. Остаточная в каждом году за назначением пенсий часть обращается в выдачу временных пособий.

Суммы, могущие поступать в Императорскую Академию наук в виде частных пожертвований <...>, расходуются Комиссией согласно воле жертвователя, если таковая ими указана; а если жертвователь не сделает указания <...>, то поступившая от него сумма зачисляется в запасный капитал Комиссии.

Запасный капитал <...> предназначается также на удовлетворение нужд ученых, литераторов и публицистов.

Право на воспоблнение, как в виде пенсий, так и в виде временных пособий, принадлежит лицам, посвятившим свои дарования и усиленные труды служению Государю и Отечеству на поприщах науки, словесности и повременной печати. Ни пенсии, ни временные пособия не могут быть назначаемы: а) лицам, принимавшим в науке, литературе или повременной печати только случайное участие; б) лицам, занимавшимся наукой или литературой, но ничего не печатавшим, и в) лицам, труды коих хотя и являлись в печати, но не имеют отношения ни к науке, ни к литературе, ни к публицистике.

Пенсии могут быть назначаемы лишь таким лицам, которые выдающимися дарованиями и долговременным трудом на поприщах науки, литературы или повременной печати заслужили почетную известность, если эти лица достигли преклонных лет или впали в болезненное состояние и таким образом лишились возможности приобретать себе средства к существованию и если при том не получают пенсии из казны или каких-либо других источников и находятся в бедности.

Пенсии могут быть также назначаемы вдовам и сиротам <...>. Комиссия при определении размера пенсии принимает также во

внимание условия <...> жизни и семейное положение. Наибольший размер пенсии не должен превышать: для семейного лица — 1200 руб. в год, а для холостого — 720 руб. в год.

Поводами к назначению временных пособий могут быть <...> чрезвычайные обстоятельства, нарушающие материальное обеспечение нуждающегося лица или вызывающие непредвиденные расходы.

Размеры временных пособий Комиссия определяет на основании имеющихся у нее сведений о материальном положении просителей и по соображению с общим состоянием находящихся в ее распоряжении средств. Назначенное пособие может быть выдаваемо не сразу, а в течение года в известные сроки, по усмотрению Комиссии.

Лицо, нуждающееся в пенсии или временном пособии, обращается в Комиссию с заявлением, в коем обстоятельно излагает свое материальное положение, а также важнейшие данные своей литературной деятельности, сопровождая, по возможности, эти сведения удостоверением от лиц, заслуживающих доверие Комиссии. Поступившие заявления рассматриваются в ближайшем совещании Комиссии и ее постановления, по утверждения их президентом Академии, доводятся безотлагательно до сведения просителей».

Создание Постоянной комиссии, публикация «Временного положения» и «Временных правил» в целом были восприняты с большим воодушевлением и вызвали определенный резонанс в обществе. Не лишен, однако, он был и полемических интонаций.¹²

Недоумение, если не сказать опасение, вызывало, по-видимому, то, что подобного рода предприятия было отдано в руки «академиков», людей, по мнению журналистов, очень далеких от проблем периодической печати, лишенных представлений о реальной жизни своих «младших братьев». Кроме того, полагали, что Постоянная комиссия не сможет одинаково объективно и беспристрастно относиться к литераторам самых разных социальных и политических ориентаций. Заранее усматривали в ее работе некоторую «тенденцию», склонность к кастовости.

Впоследствии, показывая на примере деятельности Л. Н. Майкова надуманность подобных опасений, делопроизводитель Постоянной комиссии Н. И. Позняков вспоминал: «Говорили, что это будет фонд рептилий, что Академия наук отнесется к возложенному на нее делу с высоты академической будто бы надменности; академели о том, что распределение пенсий и пособий поручено академии; уверяли, что академия будет беречь капитал только для „благонаждежных“ писателей, отстраняя от помощи „независимых“; рассказывали, будто бы вдове <...> Всеволода Крестовского назначена пенсия в 4000 руб., а секретарю <...> комиссии <...> в 3000 руб., да еще притом из этого же благотворительного капитала! Словом, ходили легенды, ни на чем не основанные».¹³

Первое заседание Постоянной комиссии состоялось 18 мая 1895 г. «К тому времени, — продолжаем цитировать статью Н. И. Познякова, — было прислано уже до 200 прошений от лиц самого пестрого литературного контингента, и в первые же 6 заседаний, шедших одно за другим, комиссия разобралась с этим огромным морем слез, нужды и горя».¹⁴

Председателями Постоянной комиссии были: с 1895 по 1900 — академик Л. Н. Майков, с 1900 по 1909 — академик П. В. Никитин, с 1910 по 1921 — академик Н. А. Котляревский. Товарищами председателя (до 1908 г. эту должность исполнял непрменный секретарь Академии наук) состояли: с 1895 по 1904 г. — академик Н. Ф. Дубровин, с 1904 по 1909 — академик С. Ф. Ольденбург, с 1910 по 1918 академик В. М. Истрин, с 1919 по 1921 — академик Ф. И. Щербатский. Делопроизводство осуществляли: Н. И. Позняков, Викт. А. Рышков, М. Ф. Павликова.

В штат Комиссии в качестве членов в разное время входили: академики А. Н. Пыпин, А. А. Шахматов, А. Н. Веселовский, П. В. Еремеев, М. С. Воронин, «литераторы» П. И. Вейнберг, К. К. Случевский, А. А. Луговой, Э. Л. Радлов, П. В. Быков и мн. др.

Члены Комиссии выбирались сроком на один академический год (с правом переизбрания). В штат входили действительные члены (четыре человека) и запасные (два). Двое из действительных членов (литераторы) приглашались непосредственно президентом Академии наук. Запасные члены спустя год обычно переходили в действительные. Все должности были оплачиваемые, однако многие перечисляли свое жалованье в пользу Постоянной комиссии.

Первый ее состав, как следует из отчета за 1895 г., был следующим: председатель — вице-президент Академии наук Л. Н. Майков; товарищ председателя — непрменный секретарь Академии наук Н. Ф. Дубровин; члены — академик П. В. Еремеев, В. Р. Розен, литераторы М. А. Загуляев и А. А. Голенищев-Кутузов; запасные члены — академик А. Н. Веселовский и К. К. Случевский.

Порядок работы за все время существования организации не претерпел сколько-нибудь значительных изменений; он был определен ее первым председателем Л. Н. Майковым. «В значительной доле, — писал Н. Ф. Дубровин, — им выработаны не только внешние нормы и порядок, но, до известной степени, и содержание <...> работ. При его преобладающем участии установлен тот комплект пенсионеров Комиссии, который теперь уже может лишь очень постепенно <...> изменяться».¹⁵

Обычно в течение года происходило 22 заседания, на которых рассматривалось 450—500 прошений. По каждому из них принималось решение: либо отклонить по недостатку прав просителя (или средств у Постоянной Комиссии), либо удовлетворить. В последнем случае назначался один из трех видов вспомоществования: единовременное, рассроченное пособие или пенсия. Выбор осуществлялся в соответствии с «Правилами»: учитывались заслуги просителя, обстоятельства его жизни, финансовые возможности Комиссии, а также ходатайства известных лиц. Иногда даже пособие назначалось не вследствие прошения самого нуждающегося, а благодаря именно такому ходатайству. Все виды вспомоществований именовались «Пенсиями и пособиями Императора Николая II».

В отличие от Литфонда, согласно уставу которого «лучше меньшему числу лиц оказать достаточное пособие, чем многим, но без удовлетворительных результатов»,¹⁶ Постоянная комиссия, как за-

писано в ее отчете за 1895 г., стремилась «удовлетворять по возможности всех лиц, заслуживающих поддержки, хотя бы умеренною помощью». ¹⁷ Этим определялся сравнительно небольшой размер всех видов выдаваемых ею пособий.

Особое место среди них занимали пенсии. Они назначались пожизненно, следовательно, число их из года в год росло. Сравним: в 1895 г. было 19 пенсионеров, а в 1914 — 72 (максимальный показатель). Пособия (единовременные и рассроченные) выдавались из сумм, оставшихся после выплаты пенсий. Их общее число за все время существования Постоянной комиссии было приблизительно одинаковым: в среднем за год единовременных пособий выдавалось 250—350, а рассроченных по месяцам — 90—120. Однако в денежном выражении в связи с увеличением количества пенсий они неизбежно сокращались. Так, в 1896 г. средний размер единовременного пособия составлял 96 руб., а в 1900 — 45 руб., т. е. в два раза меньше.

Бюджет Комиссии складывался следующим образом: 50000 руб. выделялось из Государственного казначейства, 300 руб. с 1896 по 1917 г. ежегодно даровала императрица Мария Федоровна; средства, поступающие от частных лиц и различных учреждений, формировали так называемый «запасный капитал».

В 1912 г. в целях его пополнения была предпринята следующая акция. В «Биржевых ведомостях» (1912, 16 марта, № 12840) была опубликована статья В. А. Рышкова «Братья-писатели», в которой говорилось о бедственном положении работников периодической печати. Некоторые читатели откликнулись на нее и прислали свои пожертвования (всего 236 руб.). В архиве сохранились квитанции к переводам, отправленным из разных мест России, часто без подписи, порой на очень незначительную сумму, которая была поистине дорогой лептой в деле помощи нуждающимся литераторам.

Интересным и, к сожалению, практически неизвестным эпизодом в работе Постоянной комиссии было ее непосредственное участие в образовании Колонии им. А. С. Пушкина в селе Михайловском. ¹⁸ В 1899 г. от последнего его владельца, младшего сына поэта, Григория Александровича, оно перешло в ведение Псковского пушкинского комитета. 2 января 1909 г. псковский губернский предводитель дворянства М. Н. Скворцов обратился в Постоянную комиссию со следующим письмом: «Согласно § 3 Устава Колонии имени поэта А. С. Пушкина в селе Михайловском, в состав главного Комитета входит представитель от состоящей при Императорской Академии наук Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам.

Ввиду сего и настоятельной необходимости в самом непродолжительном времени созыва Главного Комитета, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, сообщить мне: имя, отчество, фамилию, чин и местожительство означенного выше представителя». ¹⁹

Им был назначен Н. А. Котляревский, занявший вскоре должность председателя Постоянной комиссии. Письмом от 20 февраля 1909 г. он извещал П. В. Никитина о «готовности принять на себя обязанности представителя Комиссии». ²⁰ 7 мая 1910 г. было полу-

чено еще одно письмо от псковского губернского предводителя дворянства, в котором сообщалось, что «торжество открытия колонии имени Пушкина последует в 1911 г., а в нынешнем году начнется прием в Колонию призреваемых литераторов».²¹ Естественно предположить, что среди них должны были быть и пенсионеры Постоянной комиссии, направляемые в Михайловское по ее рекомендации. Одной из первых стала В. В. Тимофеева-Починковская (личное дело № 1417), впоследствии — первый председатель Комиссии по охране Пушкинского уголка.

Известность Комиссии постепенно росла. Среди благотворительных учреждений она стала пользоваться авторитетом; за помощью к ней обращались вновь создаваемые филантропические организации. Так, в архиве имеется «Вопросный лист Русского женского взаимно-благотворительного общества» (председатель Е. Авилова),²² записка о вновь учреждаемом «Обществе взаимного кредита литературных и сценических деятелей» с предложением к Постоянной комиссии вступить в число ее членов-учредителей,²³ а также некоторые другие документы.

После революции Постоянная комиссия продолжала свою деятельность еще в течение четырех лет, до конца 1921 г. Последнее прошение (от Е. А. Федоровой-Омулевской) поступило 25 сентября 1921 г. Последний ежегодный отчет о деятельности был составлен в 1919 г. Это, собственно, черновик отчета (карандашом, очень ветхий). Штат Постоянной комиссии в это время был следующим: председатель — академик Н. А. Котляревский; товарищ председателя — академик Ф. И. Щербатский; действительные члены — почетный академик Д. Н. Овсянко-Куликовский, литераторы кн. Э. Э. Ухтомский и А. А. Измайлов; запасной член — Э. Л. Радлов. В отчете говорилось: «Комиссия в отчетном году <...> имела 9 заседаний. В них рассмотрено 153 письменных ходатайства — все удовлетворены <...> Пенсии выдавались 45 лицам. Всего пенсий и рассроченных пособий выдано на сумму 48.340 руб.».²⁴

20 ноября 1921 г. Правление Российской Академии наук в соответствии с постановлением Комиссии по сокращению штатов (от 31 октября 1921 г.) направила в Постоянную комиссию распоряжение, которым предписывалось «передать ее со всем делопроизводством в Комиссию по улучшению быта ученых»,²⁵ то есть в так называемую КУБУ (ПетроКУБУ).

На этом история Постоянной комиссии как действующей организации заканчивается. За период с декабря 1921 по ноябрь 1934 г. нам известно лишь два документа, касающихся судьбы ее архива.

Первый содержится в «Протоколах Общих собраний Академии наук». В заседании от 3 декабря 1921 г. Н. А. Котляревский выступил со следующим предложением: «...ввиду состоявшегося постановления о передаче Комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам в Петроградскую Комиссию по улучшению быта ученых, следует определить порядок этого перехода и дальнейшего ведения дел Комиссии.

Положено разрешение этого вопроса передать в Комиссию, которую образовать под председательством академика Н. А. Котлярев-

ского в составе Непременного Секретаря, академика А. Е. Ферсмана и члена кассы взаимопомощи».²⁶

Второй документ известен уже из современного дела фонда: это учетная карточка, датированная 14 ноября 1934 г. (первый датированный документ дела).

Итак, казалось бы, судьба архива на протяжении двенадцати лет (с 1922 по 1934) остается неизвестной. Предпринятые нами поиски не дали никаких результатов. Между тем с большой степенью вероятности можно предположить, что передача архива в КУБУ не состоялась: для новой организации он был уже неактуален; к тому же его хранение требовало дополнительных помещений. Вероятнее всего, Н. А. Котляревский, возглавлявший Постоянную комиссию до конца ее работы и бывший до 1925 г. директором Пушкинского Дома, просто определил архив бывшей подведомственной ему организации в ведение новой, тем более, что и канцелярия Постоянной комиссии (вместе с архивом), и Пушкинский Дом находились в то время под одной крышей — в главном здании Академии наук (до 1922 г.).

Таким образом, архив Постоянной комиссии после прекращения ее работы вскоре (в 1922 г.?) поступил на хранение в Пушкинский Дом. Что касается учетных документов, то известно, что в этот период они велись крайне несистематически, поэтому никаких записей в книгах поступлений мы не обнаружили. Лишь в конце 1920-х—начале 1930-х гг. архив стал предметом внимания сотрудников Рукописного отдела, возможно, в связи с переездом Пушкинского Дома в 1927 г. в новое, современное здание.

В ходе предварительной обработки архива были сохранены две его исторически сложившиеся структурные части: персональная и делопроизводственная. Первая состояла из личных дел просителей, вторая — из протоколов совещаний, учетно-финансовых документов и пр. Обе они (за очень незначительными исключениями) дошли до нас полностью.

Личные дела были технически оформлены изначально: сброшюрованы в стандартные темно-синие (или серые) обложки, отпечатанные типографским способом. На них выделены следующие рубрики: номер дела, фамилия, имя, отчество просителя, род занятий, даты начала и окончания дела, количество листов.

В процессе современной обработки на основе имеющейся структуры фонда было сформировано две описи. «Документы делопроизводства Постоянной комиссии за 1889—1921 гг.» составили опись № 1, а «Персональные дела ученых, литераторов, публицистов и членов их семей за 1895—1921 гг.» — опись № 2.

Опись № 1 насчитывает 141 единицу хранения и включает 5 разделов. Раздел 1.1. «Документы по основной деятельности (1889—1921)» состоит из дел, которые содержат разные по типу и хронологии материалы: уставные и нормативные документы, протоколы совещаний, отчеты, переписку с организациями и частными лицами, газетные публикации с отзывами о деятельности Постоянной комиссии и др. Почти все они оформлены в виде конволютов. Ввиду сохранения целостности исторически сложившихся комплексов документов решено было их не расформировывать, а приложить к

каждому конволюту внутреннюю опись (ед. хр. № 1, 30—39). При этом заголовки носят общий характер. Наибольший интерес в данном разделе представляет ед. хр. № 1, отражающая историю формирования и начальный этап деятельности организации. Следующие разделы описи включают материалы строго определенного рода: учетно-финансовые документы, журналы регистрации входящих, исходящих бумаг и др. Все они имеют единообразное типографское (или рукописное) оформление. Заканчивается опись комплексом учетно-справочных книг и картотек.

Опись № 2 является содержательной основой фонда и насчитывает 1822 единицы хранения. Их историко-литературное значение трудно переоценить, ведь почти каждое персональное дело открывается письмом, в котором проситель, подтверждая право на получение материальной поддержки, излагает свою литературную или научную биографию, приводит список трудов, раскрывает обстоятельства, побудившие его обратиться за помощью. В дальнейшем вновь поступавшие прошения, а также различные справки, анкеты и пр. подшивались к первому документу — так формировалось персональное дело.

Круг лиц, обращавшихся в Комиссию, был очень широк и вряд ли может быть исчерпан перечнем, заложенным в самом названии этого учреждения: ученые, литераторы, публицисты. Можно с уверенностью сказать, что материалы архива являют собой целый срез литературной и, шире, культурной жизни России конца XIX—начала XX в. Среди имен просителей есть и первостепенные — А. И. Куприн, А. М. Ремизов, А. М. Горький, С. А. Есенин, Н. А. Клюев, и совершенно забытые или вовсе неизвестные. В последнем случае архив Постоянной комиссии нередко является единственным источником сведений о них.

Разумеется, содержание каждого персонального дела индивидуально. Тем не менее просматривается примерный круг тех обязательных сведений, которые можно в нем обнаружить. Помимо творческой биографии, это биография реальная с подробным изложением конкретных жизненных обстоятельств, которые заставили прибегнуть к помощи. Очень часто указывается состав семьи, родственные связи, тем более, что нередко были обращения с просьбой о выделении средств на обучение детей. Благодаря регулярной помощи Постоянной комиссии дети нуждающихся литераторов заканчивали реальные училища, гимназии, университеты — примеров тому довольно много. К числу ценнейших биографических материалов следует отнести копии послужных списков, дипломов, а также нотариальные свидетельства, различные удостоверения, медицинские справки, анкеты, визитки, имеющиеся почти в каждом деле.

Архив Постоянной комиссии содержит богатейший материал для раскрытия псевдонимов и установления авторства анонимных произведений. Ведь обращаясь за помощью, литератор стремился максимально полно представить свои труды, а следовательно, указывал и те из них, которые были опубликованы под псевдонимом или вообще без подписи. Работая над архивом, мы убедились в том, что он может дать существенные дополнения к «Словарю псевдонимов» Ю. И. Масанова.

Все персональные дела формировались по годам, по мере их заведения. Нумерация дел за каждый год была самостоятельной. Исключение составляют первые два года — за 1895 и 1896 г. нумерация общая. Именно тогда было заведено наибольшее количество дел — 549. В дальнейшем, особенно после 1914 г., наблюдается некоторый спад. За год формируется в среднем 30 дел. Что касается послереволюционного периода, то документы этого времени дошли до нас неупорядоченными. В случае если это были повторные прошения, мы подкладывали их в соответствующие ранее заведенные дела. Если же прошение было первым, то приходилось формировать дело вновь (всего 68 единиц хранения).

Не нарушая структуры фонда, мы сохранили расположение дел по годам. При этом идея алфавитного строения осуществлена в приложении — алфавитном указателе, который является ключом к описи.

Нельзя не упомянуть и о старых делопроизводственных карточках и адресно-справочных книгах, отложившихся в фонде. Карточки содержат сведения о датах поступлений прошений и принятых по ним резолюциях. Адресно-справочные книги представляют особый интерес, их можно было бы назвать «Литературный Петербург» — ведь здесь имеются адреса и телефоны многих просителей Постоянной комиссии.

Таким образом, фонд Постоянной комиссии оказывается значительным справочным источником для изучения культурной жизни России конца XIX—начала XX в.

II

Жанр «обзора архива» не предполагает публикации документов. Однако в данном случае, имея в виду уникальное богатство и разнообразие фонда, мы хотели бы отступить от этого правила и в заключение предложить читателям небольшую публикационную часть.

Ее задача не столько собственно научная, сколько, если угодно, эмоциональная. Нам хотелось воссоздать «образ» архива, который сложился у нас при его изучении. Этот «образ» — суть совокупность судеб всех его просителей, запечатленных в скупых документах их личных дел, прошениях — исповедально-трагических, забавных, трогательных, нелепых, словом, — самых разнообразных.

Начнем с начала — с тех порой стилистически очень «высоких» зачинов, которыми открываются некоторые прошения. В качестве примера приведем два фрагмента: из письма А. А. Иноземцевой, прозаика, драматурга, журналистки, и Ф. И. Досинчука, издателя «Волинского народного календаря».

«Всепокорнейшее Прощение Ваше Императорское Высочество!

Повергая к стопам Вашим мои верноподданнические чувства, честь имею всепокорнейше просить Вас, Ваше Императорское Высочество, не оставить своим глубокогуманным вниманием мое нижеследующее ходатайство» (№ 999, л. 2).

«В Совет Российской Императорской Академии наук
жителя г. Житомира
Федора Ивановича Досинчука.
Отношение.

Наш возлюбленный, ныне благополучно царствующий Монарх, близко принимающий к своему любвеобильному сердцу все интересы обожающих Его подданных, щедрою рукою, как чадолюбивый Отец рассыпает Свои Царские милости на всех тех, кто искренне старается посвящать свои труды на благо дорогого Русского отечества, и в каком бы виде и в какой форме не проявлялись эти труды, каждый из сынов обширной Руси теперь ясно видит, что обожаемый Отец отечества вознаградит Своего подданного по его заслугам» (№ 209, л. 2).

Отголоском давно ушедшей пушкинской эпохи звучат прошения ее непосредственных свидетельниц и участниц, А. И. Козловой и В. А. Нащокиной. В них — живая связь времен, которая порой кажется почти нереальной. Представим только: дочь одного из первых русских поэтов-романтиков И. И. Козлова, знаменитая в своем кругу Алина, пронеся через всю жизнь глубочайшую любовь к отцу, трогательное служение его таланту, в 1899 г. подписывает свое прошение: «Дочь Автора „Чернец“». А Вера Александровна Нащокина, бывшая на юбилее Пушкина едва ли не единственным человеком, близко знавшим поэта, живет воспоминаниями дружбы, которая связывала ее мужа с Пушкиным, воспоминаниями о блестящей эпохе в литературной жизни Москвы 1820—1830-х гг.

Дело Александры Ивановны Козловой (№ 639) открывается ходатайством за нее графини Ольги Борисовны Перовской, фрейлины императрицы Марии Федоровны, перед великим князем Константином Константиновичем:

«Ваше Высочество,

Позвольте обратить Ваше внимание на положение престарелой дочери нашего поэта Козлова. Истратив на брата то малое, что у нее было, Александра Ивановна очутилась после его смерти в самых стесненных обстоятельствах. Не могу сказать положительно, чем она живет, но знаю только, что покойная гр. Блудова постоянно помогала своей приятельнице, — а теперь за исключением маленького пособия, которое она получает от частных лиц, — у нее ничего нет. Грустно встречать почти совсем слепую, 86 л. старушку, в поношенном платье бродящую по улицам, еле передвигая ноги! Не имея возможности держать у себя человека, который бы сопровождал ее в прогулках и развлекал бы чтением ее печальное одиночество, — Ал. Ив., однако, всегда уделяет другим все, что может из своих скудных средств, — и мне не раз приходилось видеть, как она заводит в магазин ребенка в лохмотьях, чтобы купить ему новую рубашку или платье.

Если бы оказалось возможным усладить последние дни старушки маленьким ежегодным пособием из Литературного фонда и назначить ей это в память ее отца, которую она так свято чтит, — то было бы оказано огромное благодеяние, и в такой форме оно бы, наверное, особенно тронуло почтенную Александру Ивановну.

Простите, Ваше Высочество, что утруждаю Вас этой просьбой и позволяйте надеяться, что Вы не оставите ее без внимания» (л. 2—3 об.).

Резолюция Постоянной комиссии: «пенсия с 1 сентября 1897 г. по 300 руб. в год».

Письмо А. И. Козловой от 8 сентября 1897 г. обращено к Л. Н. Майкову:

«Милостивый Государь
Леонид Николаевич,

Получив Ваше извещение о том, что Имп. Академия Наук в память моего покойного Отца, Поэта Ив. Ив. Козлова вспомнила меня, я, тронутая этим вниманием к моей старости (85 лет), прошу принять мою сердечную благодарность. Это внимание было мне тем приятнее, что я теперь могу отложить свое намерение просить Акад. Наук ввиду скудости моих средств и слабости зрения о покровительстве и материальной помощи на случай моей смерти.

Примите уверение в моем искреннем уважении и признательности. С сердечным желанием Вам добра и здоровья

Александра Козлова» (л. 4—4 об.).

Приведем еще одно письмо (от мая 1899 г.).

«Милостивый Государь
Леонид Николаевич,

Получила Ваше уведомление о назначении мне единовременно пособия (50 руб.) от Академии Наук, приношу Вам мою глубокую благодарность. Позвольте Вас еще просить сделать мне одолжение (по моей старости и слабости, и невозможности самой явиться) прислать мне это пособие на дом.

Я уже пользуюсь таковой помощью от Академии Наук, получая ежемесячно (25 руб.) пенсии, назначенной мне года два назад в память Отца моего, Поэта Слепца Ивана Козлова. Примите уверение в полном уважении моем и благодарности

Дочь Автора Чернеца
Александра Козлова.

Петербург, Симеоновская ул., дом № 5, кв. 10» (л. 6—7).

Прошение В. А. Нащокиной относится к марту 1895 г.:

«Ваше Императорское Высочество
Государь Великий Князь
Константин Константинович!

Припадая к стопам Вашего Высочества, прошу простить меня, что дерзнула послушаться совета некоторых лиц, принадлежащих к литературному миру, которые дали мне смелый совет написать Вам, Государь Великий Князь, настоящее письмо и объяснить в нем мое положение.

Хотя и сама лично я была уже знакома с редким поэтическим талантом Вашего Высочества по тем произведениям, которые мне удалось прочесть, и по ним узнала и полюбила всем сердцем «ЭТИ МИЛЫЕ ДВЕ БУКВЫ...»,²⁷ но мне было рассказано столько примеров доброты и отзывчивости ко всему угнетенному необыкновенной души Вашего Высочества, что все это и внушило мне добрую надежду, что Вы, Государь Великий Князь, выслушаете с добрым чувством меня.

Прошло уже более 40 лет со времени кончины моего мужа, неизвестного в свое время по его дружбе с А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, В. А. Жуковским, Павла Воиновича Нащокина.

При жизни мужа я жила более чем счастливо. Была здорова, пользовалась достатком, граничащим чуть ни с богатством, была окружена добрыми друзьями. Теперь от всего этого остались лишь одни воспоминания. Совершенно нездоровая, получая лишь небольшую помощь от одного лица — за которого день и ночь молю Бога, — я лишилась всех моих друзей, которые принимали горячее участие в моей судьбе после кончины мужа.

Особенно не могу, без самой искренней признательности, вспомнить незабвенных: князя Петра Андреевича Вяземского, Ивана Сергеевича Аксакова и, наконец, недавно скончавшегося Алексея Николаевича Плещеева.

„Несчастье — хорошая школа в жизни, — писал А. С. Пушкин моему мужу, — но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной ко всему доброму и прекрасному, какова у тебя, мой друг, какова и моя, как тебе известно“ (Соч. Пушкина. Изд. Суворина, Том 8, Стр. 507).

Справедливость этих великих слов чересчур хорошо мне пришлось испытать в течение моей долгой жизни.

Получаемой мною помощи хватает лишь на самые необходимые расходы. Но нездоровье с его гнетущими атрибутами: доктором, лекарствами и пр. разбивает всякие расчеты.

Теперь наступает весна, самое трудное для моей больной груди время, тем более при жизни в городе. Хотелось бы исполнить требование врача, предписывающего переехать из города куда-нибудь на чистый воздух. В течение минувших последних лет мне удавалось нанимать дачку-избу в окрестностях Москвы, и там я запасаюсь за лето здоровьем. Сейчас я только и лелею мысль, как бы мне вновь перебраться поскорее, не дожидаясь распутицы, этого самого вредного для нездоровья сезона, из Москвы в деревню.

Государь Великий Князь! Если все рассказанное мною здесь тронет Вас, и Вы, Ваше Высочество, пожалуете меня, человека, пользовавшегося когда-то расположением и дружбой таких великих людей, как А. С. Пушкин, то сделайте великое для меня доброе дело, помогите мне чем-нибудь.

Александр Сергеевич Пушкин писал моему мужу: „Попроси, Павел Воинович, твою Веру Александровну полюбить меня так же, как любит тебя моя Наталья Николаевна“ (Соч. Пушкина. Изд. Суворина. Том 8, Стр. 507).²⁸

Это было в 1835 году. Теперь, в 1895 году, эта самая Вера Александровна просит Вас, Государь Великий Князь, откликнитесь Вашею чудною, поэтической душою на настоящее ее смелое обращение к доброму чувству Вашего Высочества и протяните ей руку доброй помощи.

Вашего Императорского Высочества
верноподанная Вера Нащокина».

Резолюция Постоянной комиссии: «Постановили: ходатайство отклонить» (№ 7, л. 2—3).

А вот прошения совсем иного рода — «современных» писателей: М. Горького, А. М. Ремизова, Н. А. Клюева и С. А. Есенина (коллективное), А. Грина.

Прошение М. Горького (№ 516) относится к июлю 1896 г. Известно, что это было чрезвычайно трудное для писателя время. Осенью 1896 г. он заболел туберкулезом и в декабре выехал для лечения в Крым. В этот период болезни и безденежья Горький обращался с аналогичным прошением и в Литфонд. В Постоянную комиссию он писал следующее:

«Я, Алексей Максимович Пешков, литератор, работающий в поврежденных изданиях под псевдонимом М. Горький, — нуждаюсь в помощи, ибо на некоторое время вследствие суставного ревматизма и общего расстройства нервной системы по совету доктора я должен прекратить работу и поехать на юг.

Мне двадцать восемь лет, я самоучка, работаю шестой год, начал в „Кавказе“, сотрудничал в „Волжском Вестнике“, „Волгаре“, „Нижегородском Листке“, „Одесских Новостях“, „Котлин“ перепечатал ряд моих рассказов в начале текущего года, в прошлом году в „Русском Богатстве“ был напечатан мой очерк „Челкаш“, в „Русской Мысли“ очерк „Ошибка“, в июне текущего года „Новое Слово“ напечатало мой набросок „Тоска“.

Гонорар за эту работу я употребляю на уплату долгов — это необходимо, и остаюсь вне возможности работать и без денег. Работать мне запретили три месяца — меньшее. Холост. Родных нет. Прошу 150 р. и, кажется, — очень неумело прошу.

А. Пешков.

Адрес: Самара. Николаевская улица, дом О-ва попечения о бедных. Екатерине Павловне Волжиной²⁹ для М. Горького»³⁰ (л. 2).

Прошение не сразу, но все-таки возымело действие. Следующий документ дела — письмо Л. Н. Майкова Н. И. Познякову от 3 ноября 1898 г., в котором, в частности, сообщалось: «Приват-доцент СПб. Университета Ф. Д. Батюшков сообщил мне о крайне стесненном положении и о болезни Алексея Максимовича Пешкова» и завершалось просьбой: «заготовить отношение к казначею о назначении означенной суммы г. Пешкову из аванса» (л. 3). Эта сумма — 150 рублей и была выслана Горькому 4 ноября 1898 г.

Обращение А. М. Ремизова в Постоянную комиссию было продиктовано обстоятельствами, связанными с его заграничной поездкой в мае — июле 1914 г. (Италия, Германия). Будучи в Германии, Ремизов и его жена узнали о начале Первой Мировой войны и попытались вернуться в Россию, но граница была уже закрыта. Лишь через 12 дней тяжелого пути через Швецию и Финляндию, рискуя оказаться интернированными, супруги 31 июля 1914 г. вернулись в Петербург. В дороге пропали вещи и рисунки писателя, сделанные в Риме.³¹

Спустя три дня по возвращении, 3 августа, Ремизов обратился с прошением в Постоянную комиссию, которое, несмотря на описанные выше обстоятельства и официальный тон самого документа, оформил в своем излюбленном «псевдорусском» стиле, имитируя древнерусскую скоропись:

«Ввиду крайне затруднительного материального положения, вызванного пребыванием в долгом подневольном пути из Германии, лишился я значительной необходимой части имущества моего. Не имея наличных средств и по расстроенному здоровью моему лишенный в настоящее время возможности немедленного литературного заработка, честь имею обратиться к Комиссии с покорнейшей просьбой оказать мне возможную материальную поддержку.

Алексей Ремизов» (№ 1732, л. 2).

В деле есть еще одно прошение — от 8 ноября того же года, в котором Ремизов благодарит за выданные в августе 50 рублей и просит назначить пособие еще на полгода.

К февралю 1916 г. относится коллективное обращение Н. А. Клюева и С. А. Есенина, которых в то время связывали и крепкая дружба, и совместные литературные выступления. В конце письма указан адрес: «Петроград, Фонтанка, д. 149, кв. 9». Именно здесь, у своей сестры Клавдии, останавливался Клюев во время приездов в столицу. Здесь же жил и С. Есенин.

Всего в деле Н. Клюева (№ 1740) два прошения; приведем первое из них.

«В Комиссию для пособия литераторам при Академии наук.
Прошение.

Мы, поэты-крестьяне Николай Алексеевич Клюев и Сергей Александрович Есенин, почтительнейше просим Комиссию пособия литераторам при Академии наук помочь нам в нашей нужде.

Нужда наша следующая: мы живем крестьянским трудом, который безденежен и, отнимая много времени, не дает нам возможности учиться и складывать стихи. Чтобы хоть некоторое время посвящать писательству не во вред и тяготу нашему хозяйству и нашим старикам-родителям, единственными кормильцами которых также являемся мы, нам необходима денежная помощь в размере трехсот рублей на каждого. (Заслуги наши перед литературой выражаются в сборниках стихов и сотрудничестве в лучших журналах и газетах).

Подпись: Николай Клюев.
Сергей Есенин» (л. 2).³²

Следующее дело, на котором мы хотели бы остановиться, — дело А. Грина (№ 1611). Оно довольно обширно (24 л.) и охватывает период с 1912 по 1918 г. Разумеется, и в жизни этого писателя 1917 г. стал переломным. Изменился и характер прошений, и самый их вид.

История оставляет вполне материальный след в традиции эпистолярного жанра — архив Постоянной комиссии дает богатый материал для наблюдений над этим явлением. После 1917 г. на смену почтовой бумаге самых разных сортов приходят оборотки, титульные листы книг; в 1919—1921 гг. прошения пишутся буквально на клочках и уже, как правило, карандашом.

Прошение Грина можно, наверное, назвать криком о помощи. Оно тем более ценно, что биографических материалов, относящихся к этому периоду, сохранилось крайне мало. Как пишет биограф Грина, Вл. Сандлер, «Восемнадцатый год был временем, когда одна за другой закрывались буржуазные газеты <...> Взамен их появлялись новые <...> но и они держались недолго <...> Возможности печататься стремительно сужались <...> Когда Грина пригласили участвовать в новой газете „Честное слово“, он первым делом позвонил А. Блоку. В записных книжках Блока находим:

„12 августа. Утром — телефон от А. С. Грина: дать материал для беспартийной левой газеты <...> в Москве <...>

16 августа. Утром будет звонить Грин <...>

17 августа. Грин позвонил, что московская газета закрыта“.

В десятых числах августа Грин возвратился из Москвы, а двадцать первого вновь уехал туда».³³

Цель этой поездки биографам писателя, по-видимому, оставалась неизвестной. Между тем оказывается, что с ней были связаны большие планы. Именно в эти дни, 16 августа, Грин писал в Постоянную комиссию:

«Литератора А. С. Грина
(А. С. Гриневского).

Заявление.

Печать разорена; исчезла; работать положительно негде. Кроме того, что голодаю в буквальном смысле этого слова, — но и не вижу ничего хорошего в будущем, если я останусь жить в П.Г. Надо изме-

нить жизнь; уехать. Мне хочется сначала побыть несколько дней в Москве, где попытаюсь пристроиться к кинематографии, а затем, если это не удастся, — пробраться на Украину, в Киев. Там собрались литературные силы; есть газеты, журналы, издательства. Усердно прошу Пост. Ком. помочь мне уехать. Пожалуйста, дайте денег; помогите. Уже год, как я не обращался к Вам с такими просьбами. Нет более сил терпеть. Денег нужно вот сколько:

Билет до Москвы — 24 р. 60 к.

Здесь, 2-е суток жизни — 20 р.

Долг квартирной хозяйке — 34 р.

Для Москвы, по приезде, хотя бы — 10 р.
(трамвай, попить чаю, папиросы...)

всего 88 р. 60 к.

Дайте, пожалуйста, эту, такую ничтожную и в то же время такую спасительную, необходимую сумму. Горячо прошу Вас! Помогите, пожалуйста; простите, — но не остается иного исхода.

С уважением А. С. Грин (А. С. Гриневский).

Васильевский остров, 3-я линия, д. 34, кв. 3» (л. 17—18).

Судя по помете на прошении делопроизводителя, писателю было выдано 100 рублей, благодаря чему он и смог 21 августа поехать в Москву. Однако дальнейшие планы не осуществились. Известно, что конец 1918—начало 1919 г. он провел в Петрограде, а летом был мобилизован в Красную армию, участвовал в Гражданской войне. Задуманная в 1916 г. поездка на юг осуществилась только в 1924 г., когда Грин перебрался в Крым, в Феодосию.

Как мы уже писали, согласно высочайшему указу, которым была учреждена Постоянная комиссия, обращаться за помощью к ней могли не только «нуждающиеся ученые, литераторы и публицисты», но «равно их вдовы и сироты». Действительно, число последних столь велико, что едва ли не превышает основной контингент просителей. Назовем некоторые наиболее интересные имена: Арсеньева Е. С. и Шевырева О. Б., дочь и внучка С. П. Шевырева (ед. хр. 660 и 743); Бойко О. И., племянница Т. Г. Шевченко (ед. хр. 583); Булгакова Н. Н., внучка И. А. Крылова (ед. хр. 783); Вреден М. В., внучка Н. А. Полевого (ед. хр. 797); Гликиберг Г. М. и М. М., брат и мать Саши Черного (ед. хр. 1771); Дмитревская Д. М., первая жена Вяч. Иванова (ед. хр. 1772); Загоскин В. Н., правнук М. Н. Загоскина (ед. хр. 723); Каченовская О. В., внучка М. Т. Каченовского (ед. хр. 663); Киреевский В. И., сын И. В. Киреевского (ед. хр. 756); Никитенко С. А., дочь А. В. Никитенко (ед. хр. 876); Пушина А. И., внучка К. Ф. Рылеева (ед. хр. 1595); Станюковичи Л. Н., З. К. и М. К., жена и дочери К. М. Станюковича (ед. хр. 1044); Чернышевский А. Н., сын Н. Г. Чернышевского (ед. хр. 1122).

Наверное, особое место среди родственников писателей принадлежит родственникам Пушкина. Это племянники поэта: Л. Н. Пав-

лишев (ед. хр. 379), Н. Н. Пани (ед. хр. 345), М. Л. Нейкирх (ед. хр. 776), внучатый племянник Н. Л. Павлишев (ед. хр. 889) и внучка Пушкина, А. М. Кондырева (урожд. Дубельт) (ед. хр. 1813).

Среди перечисленных дел наибольший интерес вызывают прошения Л. Н. Павлишева и М. Л. Нейкирх. Причем интерес совершенно разного свойства: первое — благодаря своей информативности и несомненной научной значимости, второе — как чисто человеческий документ, пленяющий своей непосредственностью и откровенностью.

В обширном деле Л. Н. Павлишева пушкинистов прежде всего привлекут документы, касающиеся принадлежавшей ему коллекции семейных портретов. Кроме того, оно является ценнейшим биографическим документом, детально раскрывающим обстоятельства его личной и служебной биографии. Приведем с некоторыми купюрами прошение от 28 сентября 1899 г.:

«Ваше Императорское Высочество!

Никогда я бы не отважился прибегнуть к Высокому Покровительству Августейшей Особы Вашей, но беспорочное мое сорокалетнее служение трем Монархам и Отечеству,³⁴ семидесятипятилетний возраст, неизлечимые физические недуги и близкое мое родство с нашим знаменитым поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным <...> да послужат мне хотя и слабым оправданием моего дерзновения повергнуть на великодушное воззрение Вашего Императорского Высочества всепочтительнейшую мою просьбу <...>

Хотя я и не занимаю выдающегося места среди литераторов, но в течение моей жизни и я внес посильную лепту в сокровищницу отечественной литературы и журналистики, а именно:

1. В июле 1865 года <...> я был <...> назначен <...> редактором русского „Варшавского дневника“, основанного в октябре 1864-го года моим отцом <...> Заведуя редакцией <...> по декабрь 1870-го года, я печатал в этой газете постоянно мои передовые и другие статьи.
2. В 1871-м году по предложению начальника Варшавского окружного штаба <...> я написал подробный Отдел „Статистического обзора Привислинского края в военном отношении“. Этот Отдел <...> напечатан впоследствии в „Военном сборнике“.
3. В 1888-м году появилась в двенадцати книжках „Исторического вестника“ первая часть моих воспоминаний о моем незабвенном дяде А. С. Пушкине, вышедшая в 1890-м году отдельным изданием в Москве; вторая часть напечатана в том же 1890-м году в „Русском обозрении“ тоже в Москве, а третья — в 1896 году на столбцах сентябрьской книжки „Русской старины“.
4. В 1899-м году вышло в свет отдельной книжкой мое критическое исследование о причинах рокового поединка моего дяди с Георгом Дантесом-Гекереном под заглавием: „Кончина Александра Сергеевича Пушкина. Составил его племянник Лев Павлишев“.³⁵
5. В течение 1891-го и 1892-го годов я написал для <...> „Русского биографического словаря“ около двадцати биографий русских

общественных деятелей на военном и гражданском поприщах» (л. 12—13).

Прошение от 23 января 1911 г.:

«Престарелые мои годы, болезненное состояние супруги моей, а также крайне стесненное мое материальное положение побуждают меня обратиться с настоящим ходатайством <...>

У меня хранятся унаследованные от моей матери фамильные портреты, а именно: 1. моего дяди-поэта кисти Кипренского; 2. моего деда, Сергея Львовича Пушкина; 3. моей бабушки, Надежды Осиповны Пушкиной, снятый графом Ксаверием Де-Местром; 4. моего дяди, Льва Сергеевича Пушкина; 5. Матери моей, карандашом; 6. Ее же, акварелью и 7. акварельный моего отца, Николая Ивановича Павлищева.³⁶

Ходатайствую о принятии этих портретов с тем, чтобы взамен их была бы мне выдаваема ежемесячно сумма в размере тридцати рублей в месяц и чтобы таковая после смерти моей перешла к законной Супруге моей Ольге Петровне Павлищевой в пожизненное пользование.

Портреты родных были мне драгоценны, и я бы никогда в жизни не решился расстаться с ними без самой крайней к тому необходимости <...>

Место жительства: С. Петербург, Лесной, Большая Спасская улица, дом № 44, квартира № 22» (л. 18—18 об.).

Из прошения от 21 мая 1911 г.:

«Вследствие моего прошения в Комиссию <...> 27 февраля меня посетили Б. Л. Модзалевский и уполномоченный Пушкинского Лицейского Общества П. Е. Рейнбот для обозрения как портретов, так и книг и вещей Пушкинской семьи, которые я изъявил желание равномерно предложить.

Не получая до настоящего времени сведения о судьбе моего ходатайства, почтительно прошу сообщить мне о положении этого дела» (л. 19—19 об.).

Письмом от 20 сентября 1915 г. жена Льва Николаевича, О. П. Павлищева извещала о смерти мужа (скончался 6 июля 1915 г.). Далее следуют прошения, написанные ее рукой; последнее из датированных относится к 6 февраля 1920 г.

Мария Львовна Нейкирх (1849—1928) принадлежит к нижегородской ветви рода Пушкиных. Дочь Льва Сергеевича Пушкина и Елизаветы Александровны (урожд. Загряжской, 1821—1898), она провела детство и отрочество в Болдино. Пожалуй, среди детей Л. С. Пушкина на ее долю выпала самая трудная судьба. Очевидно, никакого отношения к управлению родовым имением она не имела и доходов по нему не получала. Вообще сведения о М. Л. Нейкирх очень скудны.³⁷ Как пишет Ю. И. Левина, она «жила трудно и бедно, последние десятилетия находилась в Мос-

кве. С другими Пушкиными близости у нее не было, родственные связи не поддерживались <...> Ее сын, Борис Иванович Нейкирх, служил в Туле, потомство его до последнего времени проживало там же».³⁸

Дело М. Л. Нейкирх (№ 766) открывается ходатайством за нее (от 6 апреля 1899 г.) Михаила Алексеевича Веневитинова, члена Комитета по устройству Музея изящных искусств, сотрудника Публичного и Румянцевского музеев, почетного члена Академии наук. Оно обращено к Л. Н. Майкову, с которым М. А. Веневитинов был хорошо знаком:

«Ежедневно читаешь в газетах о соревновании разных ведомств, сословий, городов в подробностях празднования предстоящего юбилея рождения Пушкина; значительная сумма денег ассигнуется на празднества в его честь, на спектакли, издания его сочинений и т. д. Суворин хвастается успехом затеянной им подписки на постановку памятника Пушкину в Петербурге, давшей в два месяца 17000 р. <...> Лицеисты затевают какое-то роскошное издание Пушкина по цене чуть ли не 100 р. за экземпляр. Одним словом, если счесть все, что тратится теперь в память Пушкина, то наберется несколько сот тысяч рублей, а может быть и с полмиллиона...

А между тем здесь в Москве в ужасающей обстановке бедствует и умирает с голоду родная племянница поэта, дочь его брата, Мария Львовна Нейкирх, жена престарелого 64-х летнего агронома, который за своей ветхостью не может получить никакого места <...>³⁹

Не имея собственного пристанища, она в настоящее время живет из милости в сыром, отвратительном углу приютившего ее в своей квартире воспитанника ее же матери Н. А. Петрова.⁴⁰

Обо всем этом я узнал совершенно случайно <...> На днях ко мне явился этот самый Петров <...> Не желая попасть в жертвы весьма возможной теперь спекуляции, я запросил письменно А. А. Пушкина о достоверности сообщаемых Петровым фактов. Подлинный ответ А. А. Пушкина также прилагаю. По-видимому, его отношения к двоюродной сестре не особенно близки, да и сам он и небогат, и обременен большим семейством <...>

Наконец, для проверки положения М. Л. Нейкирх я употребил еще одно средство и отрядил к ней доверенное лицо из Музея, которое пришло в ужас оттого, что увидело и со слезами на глазах рассказало мне о положении родной племянницы великого русского поэта <...>

Вы, конечно, угадываете, к чему я веду свою речь. Неужели писательский благотворительный фонд Академии Наук не обратит свое внимание на несчастную М. Л. Нейкирх? Ее безысходная нужда отразится темным пятном на светлом фоне торжеств в честь ее родного дяди <...> К моей просьбе <...> присоединяются Н. П. Стороженко и А. П. Кирпичников в качестве деятелей Общества любителей российской словесности. Вручаю в Ваши руки это доброе дело в полной уверенности, что оно заслужит Ваше внимание и сочувствие...» (л. 4—5).

Прошение М. Л. Нейкирх от 29 марта 1900 г.:

«Ваше Императорское Высочество!

Покойный отец мой, Лев Сергеевич Пушкин, был родным братом поэта Александра Сергеевича Пушкина. После кончины отца моего мать моя, рожденная Загряжская, дочь ветерана Отечественной войны и старого преображенца, осталась с тремя малолетними детьми.⁴¹ Вскоре меня поместили в Смольный институт, где и окончила курс на Николаевской половине в 1867 году. По выходе из Института я вышла замуж за человека, не имеющего никаких средств к жизни, кроме частной службы. За последние восемь лет он не имел никаких занятий, а между тем за это время надо было давать образование детям — трем сыновьям. Я работала одна, давая частные уроки, и тем поддерживала всю семью. В прошлом году я имела несчастье потерять своего старшего сына. Это несчастье так тяжело повлияло на меня, что я потеряла здоровье и всякую возможность к самостоятельному труду. В мае месяце, ввиду приближавшегося юбилея поэта Пушкина, я, как родная племянница его, обратилась с просьбою на имя Товарища Президента Императорской Академии Наук, г. Майкова, прося его ходатайствовать за меня о выдаче мне пособия из литературного фонда, который существует при Академии. Не получая так долго ответа, я должна предполагать, что просьба моя оставлена без последствий. Осмеливаюсь прибегнуть к милосердию Вашего Императорского Высочества, умоляя оказать мне милость назначением пособия или пенсии, которая бы единственно могла поддержать мое существование в настоящее время, так как другой надежды на благополучный исход из моего тяжелого положения я не предвижу.

Имею счастье именоваться
Вашего Императорского Высочества
верноподданная Мария Нейкирх» (л. 8—9).

Прошения были удовлетворены: на протяжении пяти лет (с 1900 по 1905 г.) М. Л. Нейкирх неоднократно получала единовременные пособия. Наконец, в 1906 г. ей было назначено рассроченное пособие на год (по 10 рублей в месяц). Последний документ дела — почтовый перевод на сумму 29 руб. 50 коп. — датирован февралем 1919 г.

Не раз Постоянная комиссия оказывала помощь родственникам писателей в экстренных случаях — болезни, смерти. Так, едва ли не первыми были извещены о кончине Я. П. Полонского именно члены комиссии. Записка М. П. Соловьева, начальника Главного Управления по делам печати, Л. Н. Майкову, которой открывается дело вдовы поэта, Жозефины Антоновны Полонской,⁴² имеет характер безотлагательной просьбы. В этих скупых строках — весь накал чувств и проблем, которые еще не нашли своего разрешения:

Многоуважаемый Леонид Николаевич!

В 11 ч. 40 м. сегодня скончался старейший наш поэт, Я. П. Полонский. Вчера его соборовали. Он умер, не подавая признаков сознания, от разрыва артерии. Конечно, денег не осталось ни гроша. Прошу о пособии. Августейший Президент извещен о смерти, но о стесненном положении семьи, истратившей все на лечение дорогого старца, м. б. ничего не знает.⁴³ Литературное значение Полонского требует оказания Высочайшего сочувственного внимания и почести к покойнику.

Преданный Вам
М. Соловьев».

Резолюция Постоянной комиссии: «выдать 150 руб.» (№ 730, л. 2—2 об.).

Дело Веры Николаевны Нога (1856—1918), дочери Н. С. Лескова, весьма обширно (№ 1027, 51 л.) и тем более ценно, поскольку сведения о ней довольно скудны.⁴⁴ В течение 14 лет она пользовалась поддержкой со стороны Постоянной комиссии, получая в 1903—1917 гг. пособия. Здесь мы находим самые разные документы: прошения, медицинские справки и свидетельства, счета, анкеты и пр., свидетельствующие о материальном положении просительницы и состоянии ее здоровья. Однако среди официальных документов есть и один частный — письмо В. Н. Нога А. Ф. Кони, рекомендацией которого она хотела заручиться.

«Глубокоуважаемый Анатолий Федорович!

Признательна Вам, что разрешили мне объяснить Вам свою просьбу и не откажите дать мне совет в моем деле.

Ваше письмо к председателю Комиссии <...> может мне оказать большую услугу и помощь, т. к. Вас очень уважают, а я без Вашей помощи даже не рискну начинать.

Моя болезнь (рак) последнее время прогрессирует и надо благоразумно понимать, что приближается время выдержать мой последний экзамен в жизни <...> я решаюсь просить пожалеть меня, 65 л. старуху, которой уже недолго осталось беспокоить Комитет, прибавить мне <...> к моему пособию в 20 р. (которое я уже несколько лет (со времени болезни) получаю или не отказать мне в единовременном пособии) <...>

Конечно, прошу этого за заслуги моего покойного отца, а иначе какое бы имела право на участие и сожаление, т. к. у меня взрослые дети, но я пишу Вам одну правду и могу все подтвердить документами <...>

Сын офицер, тяжело контуженный в эту войну, требующий серьезного лечения, женатый, ожидающий ребенка, ему едва хватает на семью, что я могу у него брать?

Дочь, после тяжких болезней оставившая место в редакции, и на занятые деньги работает целыми днями в кинематографическом деле, без летнего отдыха. Живем обе в одной комнате, что я могу взять у дочери, живущей в таких тяжелых жизненных условиях?

25 т., полученных от отца, у меня ушли на уплату долга покойного больного мужа, его лечение, воспитание детей.⁴⁵

Смотреть из рук детей вообще очень тяжело, особенно бедных.

Если Вы, гуманный, добрый Анатолий Федорович, откликнитесь на мое горе, то ради Вас мне и сделают что-нибудь, а то лучше и не начинать трепать имя моего отца <...>

Буду терпеливо ждать <...> великое Вам спасибо, что ответили мне, простите за беспокойство.

С почтением к Вам В. Нога.

Литейный пр. 50, к. 7.

1915 г. 18 авг.» (л. 48—49 об.).

В Постоянную комиссию обращались не только «литераторы и публицисты», но и ученые, а также их родственники. В качестве примера приведем прошение из дела Варвары Николаевны Ахлопковой, дочери Н. И. Лобачевского (№ 366). Оно принадлежит к тем документам, вся сила которых в их бесхитростной простоте. Её трудно переложить на язык официального прошения — отсюда эта трогательная косноязычность:

«Жены отставного поручика
Варвары Николаевны Ахлопковой,
урожденной Лобачевской.

Прошение.

Отец мой, знаменитый математик Николай Иванович Лобачевский, которому воздвигают монумент в г. Казани, где сквер и улица названы его именем, умер, не оставив, как известно, никаких средств. В настоящее время, страдая ожирением сердца, часто приходится обращаться к медицинской помощи и, имея на руках двух несовершеннолетних сыновей, требующих воспитания, один воспитывается на мой счет в Пехотном Юнкерском училище, другой на мой же счет — в С. Петербургской 6-й Гимназии. Находясь в крайнем положении и оставленная мужем, о котором уже несколько лет я не имею известий, а потому я решилась обратиться к Монаршей милости: не найдет ли возможным Императорская Академия Наук назначить мне пожизненную пенсию или единовременное пособие из Высочайше пожалованного фонда в память заслуг покойного моего отца, признанного за Коперника Геометрии не только в России, но и за границей. Надеюсь, что не откажет Императорская Академия Наук в просьбе единственной оставшейся в живых его дочери.

1895, ноября 29 дня» (л. 2).

Резолюция Постоянной комиссии: «выдать единовременное пособие в размере 50 руб.».

Постоянная комиссия помогала не только маститым, но и начинающим писателям. Среди ее просителей немало «писателей из народа», самоучек. В заключение приведем три характерных прошения: поэтессы Августы Васильевны Переводчиковой (от октября 1895 г.),⁴⁶ члена Киевского общества литераторов Николая Федоровича Лисицкого и крестьянина Степана Моисеевича Ермакова.

«Его превосходительству Леониду Николаевичу Майкову.

Находясь в безвыходной нужде, я всепокорнейше Вас прошу оказать мне величайшую милость и удостоить меня хотя самой маленькой пенсией. При этом позвольте познакомить Вас с моим долгим (мне 87 лет), но скорбно-однообразным прошлым. Я дочь бедного чиновника. Всю жизнь с детства я страстно любила поэзию и литературу и урывками писала стихи с 7-ми лет; но, не получив никакого образования и долго не имея даже книг, чтобы чтением пополнить недостаток знаний и сколько-нибудь развить себя умственно, я писала не то и не так, чтобы могло пойти в печать. Со смертью отца, которому я читала свои стихи, я целые десятки лет не встречала ни одного человека, с которым бы могла поговорить о любимом предмете. Не зная никакого ремесла, я шила в то время рубашки на базар и вязала башмаки (теплые), но, близорукая и слабая здоровьем, я зарабатывала буквально только на хлеб, но и в это горькое время я все же изредка писала стихи, но показать кому-либо я, робкая от природы, не смела, да и не знала, к кому обратиться. Поэтому я поздно начала печатать свои стихи и корреспонденции, сначала бесплатно, а потом уже и с платой. Теперь местные газеты платят мне за стихи по 5 к. со строки, но в тяжелой нужде и болезненная, я пишу очень немного. Мои стихи помещались: в „Русском богатстве“, „Божьем мире“, „Родине“ и местных газетах; корреспонденции — в „Неделе“, в „Русских ведомостях“, „Московском листке“, а более всего в местных газетах.

Бедность и неподготовленность к жизни еще в ранней молодости заставили меня вынести тяжелую и неравную борьбу за хлеб насущный, подточившую мои силы. Когда я, наконец, добилась места сельской учительницы, здоровье мое было уже расшатано, но я все же 18 лет занимала должность учительницы в сельских школах, где всегда было более ста учащихся. Я любила свое дело и при исполнении его мне казалось, силы мои удесятерились. Теперь я уже не в силах быть учительницей и писать могу очень немного, а земное существование еще теплится и требует поддержки.

Я вполне сознаю, как ничтожны мои литературные работы, но я вынуждена покорнейше просить Вас о помощи тяжелой нуждой и безнадежностью выйти из нее по своему расстроенному здоровью и преклонным летам.

Августа Васильевна Переводчикова.

Адрес: Саратов, угол Гимназической и Вальской ул., дом Котомина. Недавно я издала некоторые из своих стихотворений маленькой книжечкой, которую и прилагаю».

Резолюция Постоянной комиссии: «рассроченное пособие по 20 руб. на 3 месяца» (№ 322, л. 2—3).

«Сына почетного гражданина
Николая Федоровича Лисицкого.

Прошение.

Пропечатавшись в незначительном киевском журнале „Воскресное чтение“, бывши членом существовавшего в г. Киеве Киевского общества литераторов, где за мной было признано право писать, я осмеливаюсь обратиться в Императорскую Академию наук, так как слышал, что Императорская Академия наук следит за начинающими писателями и истинным из них помогает.

Покорнейше прошу <...> обратить внимание на прилагаемую мною <...> рукопись и <...> на меня, если мои произведения заслуживают одобрения. Я с малых лет живу без отца с бедной, измученной труженицей матерью, добывающей кусок хлеба пагубной иглой; но при всем желании я не могу облегчить непосильного бремя жизни моей матери — на литературном поприще, на поприще дорогого служения святому искусству мне Судьба поставила неодолимые преграды; перебраться через них я тщетно пытаюсь уже 3 года. Куда бы из редакций я не обращался — везде меня награждали пренебрежением и мучительным молчанием. Впадая в отчаяние, я искал удовлетворения и жизненной поддержки на других поприщах — я искал по выходе из Киевской Духовной семинарии какой-нибудь службы, но и здесь Судьба испытывала мое терпение, посылая неудачи. Изнывая в нужде, в муках неудовлетворения, в неутоляющейся неодолимой жажде печатания, я терял физические и нравственные силы; все надежды на что-либо меркли, и я с леденящим ужасом смотрел в непроглядную, казалось, тень грядущего, где грезился мне страшный, роковой призрак — погибающего от голода человека. Но вот в угнетавшей тьме моей жизни блеснул слабый бодрящий луч надежды — мне посоветовали обратиться в Императорскую Академию наук.

Еще раз осмеливаюсь просить Императорскую Академию наук сотворить суд над моими произведениями и — если они заслуживают одобрения — поддержать нравственно и материально пострадавшее человеческое существо, гибнущее за непреодолимое им влечение служить святому, дорогому искусству, что служит ему единственным светлым лучом в непроглядной тьме его земной жизни.

1907 г., января 25 дня» (№ 1270, л. 2—2 об.).

Наконец, из прошения крестьянина С. М. Ермакова.

«В Академию наук.

<...> Я совершенно без всякого образования, не считая церковно-приходской сельской школы, учителем в которой состоял человек, окончивший только 2-х классное училище <...> Из этой школы

я не мог ничего вынести такого, которое дало бы мне толчок к чему-нибудь высшему. Также и из среды, в которой я родился, жил и живу. Отец мой совершенно безграмотный, очень бедный, имеющий большую семью крестьянин <...>

Большую охоту к стихам я почувствовал, когда прочел биографию Ломоносова, а также и от чтения книг из естествоведения. Во время моего нахождения в последней группе сельской школы учителя предложил всем ученикам написать что-нибудь „свое“. Другие ученики ничего не написали такого, в котором была бы какая-нибудь связь <...> Я же написал „Закат солнца в деревне“. Учитель, прочтя это сочинение, поставил меня на колени и начал смеяться. Читая ученикам мое сочинение, он говорил, что „Ермаков это сочинение выписал из сочинений другого писателя“, и добавлял при этом, что „я, учитель, и то не могу так написать, да не только я, но и не каждый писатель так напишет; так только писал Гоголь, и если бы Ермаков так писал, ему дали бы денег и учили бы бесплатно...“

Этыя слова так повлияли на меня, что я тогда же попросил учителя дать мне книгу „Биография Гоголя“. К счастью, в этой книге был и критический разбор сочинений этого гения. Прочтя эту книгу, я уже не переставал упражняться в стихах и читать книги <...> После окончания школы я остался жить при отце; пахал в поле, пас гуси и пр. Это продолжалось 2 года. Охота к науке не могла удержать меня в деревне <...> К тому сиделец винной лавки объяснил мне, что в Киеве можно видеть живого „ревизора“ — это положило конец моим страданиям в деревне. Тайком от отца, ночью я пошел в Киев, состоящий в 55 верстах от моей деревни. Не буду описывать того впечатления, которое произвел на меня этот большой город, но скажу, что я тогда сильно разочаровался во всем. При виде богато разодетых, в разных формах людей я почувствовал себя совершенно ничтожным в сравнении с ними. Я думал, разве этия люди, с таким образованием не могут написать так, как я? Но скорый случай возвратил мне прежние мысли. Случайно <...> я разговорился с одним <...> студентом, который, несмотря на то, что я был тогда в свитке, хотя и нехотя, но ответил на мой вопрос: что получил бы теперь человек, написавший что-нибудь как Гоголь. Студент только ответил: „Деньги и вечную славу“.

Начались хлопоты по приисканию должности <...>, на которой нахожусь и в настоящее время. Но какая это служба: 7 руб. жалованья, работать с 6 ч. утра до 12 ч. ночи. За 2 месяца моего нахождения на этой службе <...> я чувствую большой упадок сил и притупление умственных способностей <...> Из сочинений моих только смеются, и смеются люди с высшим образованием. Все говорят, что переписано. К тому костюм мой не позволяет пойти в какое-нибудь лучшее место, а приобрести другой нет средств. Все это заставило меня с приложением сочинений обратиться с просьбой к таким людям, как Академия наук. Просьба моя совершенно ничтожная <...> Я только прошу, конечно, по оценке сочинений, прислать мне рублей 150 на одежду и на проезд в Петербург и в Петербурге определить меня на какую-нибудь должность, на кото-

рой свободное от занятий время я мог бы употребить на образование. Я, конечно, не думаю, чтобы и Академия наук приняла сочинения за выписанные <...> Так или иначе, но ответ с Академией положит конец всем моим страданиям. Жить дальше в настоящем моем положении, голодать, унижаться какому-нибудь бессознательному „Плюшкину“ я никак не могу. От роду мне теперь 18 лет. Как ответ, так и деньги адресовать: г. Киев. Александровская ул., д. № 11.

Уважающий науку С. М. Ермаков.

5 февраля 1910 г.» (№ 1500, л. 2—4 об.).

---

¹ История благотворительности отражена, в частности, в издании «Благотворительные учреждения Российской империи» (СПб., 1900. Т. 1—3).

² *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону, 1998. С. 52—53.

³ Правительственный вестник. 1895. 14 янв., № 11.

⁴ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 1, № 1, л. 3—4.

⁵ Напечатаны в качестве приложения № 2 к «Протоколу заседания № 5 Общего собрания Императорской Академии наук от 13 мая 1895 г.» (на правах рукописи; пагинация отсутствует). Далее цитируем эти документы без ссылок на источник.

⁶ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 1, № 1, л. 34—35 об., 90—126.

⁷ См.: *Коршилов А. А.* Пятидесятилетие Литературного фонда. 1895—1909. Общий очерк. СПб., 1909.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 1, № 1, л. 254—256, 296, 301—302, 310—311; № 30, л. 6—11, 25—27.

¹⁰ Упомянуется в письме Л. Н. Майкова В. А. Манассеину от 4 февр. 1899 г. (там же, № 32, л. 9).

¹¹ Впоследствии, по мере обретения Постоянной комиссией большей самостоятельности, это положение подверглось некоторой корректировке. В измененном, согласно постановлению Общего Собрания Академии от 13 декабря 1908 г. и 10 января 1909 г., «Временном положении» говорилось: «Комиссия состоит из шести членов: двух действительных членов Академии, избираемых Общим Собранием Академии сроком на два года; двух членов Разряда изящной словесности, избираемых Разрядом сроком на два года, и двух лиц, приглашаемых к участию в Комиссии Президентом Академии из числа известных русских писателей сроком на два года <...>

Председатель Комиссии и его товарищ избираются самой Комиссией ежегодно из числа действительных членов Академии и почетных академиков, принадлежащих к составу комиссии» (ф. 540, оп. 1, № 2, л. 8).

¹² См., например, статью «Отголоски (по поводу Высочайшего указа)» (Русская жизнь. 1895. 15 янв., № 13; без подписи). Впрочем, полемика вокруг Постоянной комиссии, по-видимому, не была слишком ожесточенной. Во всяком случае, нам известны лишь два собственно полемических отзыва: статья М. Н. Волконского «Бесконтрольные расходуемые 50 000 руб. ежегодно» (Новое время. 1906. 12 мая, № 10833) и статья за подписью «Правый журналист» — «Еще о злоупотреблениях царской милостью» (Русская земля. 1908. 14 нояб., № 820). На выступление М. Н. Волконского последовал ответ — обширная статья «От председателя Постоянной Комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам» (Новое время. 1906. 29 июня, № 10849). Можно назвать еще статью А. Фаресова «Литературные пенсии» и ответ на нее Литератора-юриста — «О литературных пенсиях», вызванные обращением Постоянной комиссии к своим пенсионерам с предложением отказаться в случае перемены обстоятельств жизни от выдаваемой пенсии в пользу более нуждающихся членов. Источники обеих статей нам неизвестны; в

архиве Постоянной комиссии они сохранились в виде газетных вырезок (ф. 540, оп. 1, № 31, л. 13—13 об.).

¹³ — Я — Памяти Л. Н. Майкова (ф. 540, оп. 1, № 33, л. 12; статья сохранилась в виде газетной вырезки, источник не указан). Авт.: Н. И. Позняков.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Отчет состоящей при Императорской Академии наук Постоянной комиссии для выдачи пособий нуждающимся ученым, литераторам и публицистам за 1900 год, составленный к годовому торжественному собранию Академии 29 декабря 1900 года. [СПб., 1900]. С. 4. Отд. оттиск.

¹⁶ Цит. по: *Коричнев А. А.* Пятидесятилетие Литературного фонда... С. 9.

¹⁷ Отчет состоящей при Императорской Академии наук Постоянной комиссии для выдачи пособий имени Императора Николая II нуждающимся ученым, литераторам и публицистам за 1895 г. [СПб., 1895]. С. 4. Отд. оттиск.

¹⁸ Этой теме посвящена наша статья «Новые материалы по истории создания Пушкинского заповедника», предназначенная для сборника «Михайловская пушкиниана» (в печати).

¹⁹ РО ИРЛИ, ф. 540, оп. 1, № 38, л. 6.

²⁰ Там же, л. 9.

²¹ Там же, л. 58.

²² Там же, № 35, л. 57 об.—58 (документ датирован 13 сентября 1905 г.).

²³ Там же, № 38, л. 19 (1909 г.).

²⁴ Там же, № 42, л. 37.

²⁵ Там же, № 17, л. 20.

²⁶ Протоколы заседаний Общего Собрания Российской Академии наук. Пг., 1921. С. 94.

²⁷ Первая строчка стихотворения А. Н. Майкова «К. Р.». См.: *Майков А. Н.* Полн. собр. соч.: В 4-х т. СПб., 1901. Т. 1. С. 502—503.

²⁸ Обе цитаты — из письма Пушкина П. В. Нащокину от середины марта 1834 г.: «Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному, какова твоя, мой друг; какова и моя, как тебе известно. Конечно, мы квиты, если ты мне обязан жизнью своей — и надеюсь, что Вера Ал<ександровна> будет меня любить, как любит тебя Наталья Николаевна» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1948. Т. 15. С. 117).

²⁹ *Пешкова (урожд. Волженина) Екатерина Павловна* (1878—1965), жена Горького с 1896 г. В 1903 г. они разошлись.

³⁰ Настоящий текст был опубликован дважды: в статье Н. Аникина «Страничка из биографии М. Горького» (*Звезда*. 1939. № 3. С. 205) и в «Летописи жизни и творчества А. М. Горького. Выпуск 1. 1868—1907» (М., 1958. С. 179).

³¹ Подробнее об этом эпизоде из биографии А. М. Ремизова см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. М., 2000. Т. 3. С. 634—636 (коммент. Е. Обатниной).

³² Настоящий текст публиковался трижды: *Юдина И.* Литературный фонд и русские писатели 1910-х годов (письма М. Горького, С. Есенина, Н. Клюева, С. Подъячева) // *Русская литература*. 1966. № 2. С. 210; *Белоусов В. Г.* Сергей Есенин. Литературная хроника. М., 1969. Ч. 1. С. 87; *Базанов В. Г.* Олонецкий крестьянин и петербургский поэт // *Север*. 1978. № 8. С. 95.

³³ *Сандлер Вл.* Вокруг Александра Грина (Жизнь Грина в письмах и документах) // Воспоминания об Александре Грине. Л., 1972. С. 512.

³⁴ Лев Николаевич Павлищев (1834—1915), сын Николая Ивановича Павлищева и Ольги Сергеевны (урожд. Пушкиной). Закончил юридический факультет Петербургского университета, служил в Департаменте уделов.

³⁵ *Павлищев Л. Н.* Из семейной хроники // *Исторический вестник*. 1888. Т. 34. № 11. С. 286—316; Т. 34. № 12. С. 560—594; *Он же.* Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890; Из семейных воспоминаний об А. С. Пушкине Льва Павлищева. Отдел 2. II. Дополнения к отрывкам Дневника Александра Сергеевича Пушкина (1833—1835). III. Выдержки из писем Ольги Сергеевны Павлищевой к ее отцу Сергею Львовичу Пушкину за 1836 и 1837 годы // *Русское обозрение*. 1890. № 9. С. 158—185; Кончина Александра Сергеевича Пушкина. Составил его племянник Лев Павлищев. СПб., 1899. По утверждению Л. А. Черейского, «Воспоминания и рассказы Павлищева о Пушкине являются компиляцией печатных источников с добавлением собственных домыслов и частичных извлечений из неопубликованной семейной переписки» (*Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Изд. 2. Л., 1988. С. 317).

³⁶ Имеются в виду: 1. Копия с портрета А. С. Пушкина работы О. А. Кипренского, написанная по заказу О. С. Павлищевой в 1837 г. Холст, масло. В настоящее время находится во Всероссийском музее А. С. Пушкина (ВМП).

2. Портрет Сергея Львовича Пушкина работы неизвестного художника. Конец 1810-х гг. Пастель. ВМП.

3. Портрет Надежды Осиповны Пушкиной работы К. де Местра. 1800-е гг. Миниатюра на слоновой кости. ВМП.

4. Портрет Льва Сергеевича Пушкина работы А. О. Орловского. Первая пол. 1820-х гг. Бумага, итал. карандаш, уголь. ВМП.

5. Портрет Ольги Сергеевны Павлищевой работы неизвестного художника. 1833 г. Карандаш. ВМП.

6. Портрет ее же работы В. Ф. Черновой. 1844 г. Акварель. ВМП.

7. Портрет Николая Ивановича Павлищева работы А. А. Покровского. 1843 г. Бумага, акварель. Литературный музей ИРЛИ.

Все эти портреты в период с 1912 по 1915 г. были подарены Л. Н. Павлищевым и его супругой Пушкинскому Дому. Впоследствии переданы во Всероссийский музей А. С. Пушкина (кроме портрета Н. И. Павлищева).

³⁷ См. о ней: *Артюхов В.* Племянница Пушкина // *Русское слово*. 1913. 2 июня; *Ниякий В. В.* Потомки А. С. Пушкина — болдинские помещики и дворянские деятели. К истории болдинского имения // *Записки краеведов*. Горький, 1975. С. 103—107; *Он же*. Нижегородская ветвь рода Пушкиных // *Записки краеведов*. Горький, 1979. С. 156—161; *Левина Ю. И.* Еще о последних владельцах Болдина // *Записки краеведов*. Горький, 1988. С. 197—206.

³⁸ *Левина Ю. И.* Еще о последних владельцах Болдина. С. 205.

³⁹ М. Л. Пушкина с 1871 г. — замужем за Иваном Васильевичем Нейкирхом, агрономом.

⁴⁰ Н. А. Петров — внебрачный сын Е. А. Пушкиной. В статье Ю. И. Левиной об этом сообщается следующее: «...в годы ее (Е. А. Пушкиной. — Н. Х.) жизни в Нижегородской губернии у нее возник длительный роман с бывшим лукояновским исправником, „титულярным советником“ Александром Васильевичем Травницким <...> (от него родился сын Нил Александрович Петров)» (*Левина Ю. И.* Еще о последних владельцах Болдина... С. 198).

⁴¹ Дети Льва Сергеевича и Елизаветы Александровны Пушкиных: Ольга Львовна (1844—1920), в замужестве Хоботова, затем Оборская; Анатолий Львович (1846—1903), предпоследний владелец Болдино, Софья Львовна (1847—1848) и Мария Львовна (1849—1928), в замужестве Нейкирх.

⁴² *Полонская (урожд. Рюльман) Жозефина Антоновна* (1844—1920) — вторая жена Я. П. Полонского (с 1866 г.), скульптор.

⁴³ Знакомство Я. П. Полонского с великим князем Константином Константиновичем (президентом Академии наук) состоялось в 1885 г. и продолжалось до конца жизни поэта. Их обширная переписка опубликована частично. См.: Я. П. Полонский и К. Р. / Публ. Е. В. Виноградовой и Л. Д. Зародовой // *К. Р. Избранная переписка*. СПб., 1999. С. 441—476.

⁴⁴ См. о ней: *Лесков А.* Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2-х т. М., 1984. Т. 2. С. 110—130.

⁴⁵ Муж В. Н. Нога — Дмитрий Иванович Нога (?—1910). Дети: Ярослав Дмитриевич и Наталия Дмитриевна (внуки Н. С. Лескова).

⁴⁶ См. о ней: *Абросимова В. Н.* Переводчикова Августа Васильевна // *Русские писатели*. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 557—558.